

**Смородинов Руслан**

**Гностицизм и Евангелие от Иоанна**

Смородинов Руслан

Гностицизм и Евангелие от Иоанна

Прежде, чем перейти к главной доктрине четвертого Евангелия, к его трактовке образа Христа, необходимо несколько слов сказать о гностицизме религиозном движении поздней античности.

Термин "гностицизм" возник от греческого слова "gnostikos" "познавательный", "познающий". Специфику этого движения составляло то, что определяющей была тема знания - самопознания.

Правда, особая роль личного опыта не позволяла созданию единого учения, более или менее твердой догматики. Именно это многообразие различных мнений побудило Иринея сравнить "множество гностиков" с грибами, появившимися из земли (Iren.-Haer.I.29:1).

Гностики обычно отрицали человеческую природу Христа. Они трактовали Его в качестве предсуществующего Спасителя, "небесного Адама", воплотившегося в Иисусе или вошедшего в Него. Смерть Иисуса гностики понимали как победу над силами зла, но, так как Христос - извечный разум не может, по мнению гностиков, быть распятым, существовало несколько толкований распятия: одни полагали, что процесс распятия Иисуса был лишь кажущимся явлением, другие - что вместо Христа был распят Симон Кириинеянин, который нес крест для Иисуса на Голгофу (Мф.27:32; Мк.15:21; Лк.23:26).

Отрицание родства между Иисусом и Творцом мира связано у большинства гностических течений с представлением о "неизреченном" высшем Божестве, которое не могло произвести "злую" материю и несовершенный мир. Поэтому эти течения создали целый ряд промежуточных ступеней - 8, 30, даже 365 между верховным Богом (не Творцом мира) и материей. Мироздание гностикам представлялось в виде многоступенчатой пирамиды, на вершине которой находился Бог-Первоотец, а на спускающихся ступенях - различные силы, власти, ангелы, архонты; внизу же господствует зло.

Одним из наиболее известных гностиков был Валентин (? - ок. 160), родившийся в Египте и начавший свою деятельность в Александрии (Tert.Praescr. haer.38). Римская христианская община, в которой Валентин проповедовал в 30-х - 50-х гг. II века, не приняла его учения, но в Египте и Малой Азии у него было множество сторонников.

Род человеческий, по учению Валентина, делится на людей "плотских" (hylikoi), "душевных" (psychikoi) и "духовных" (pneumatikoi) (ср. термины Павла:

sarkikoi, psychikoi, pneumatikoi (1 Кор.2:14-15; 3:3)). Большинство неевреев - люди плотские, большинство евреев - душевные, и лишь немногие из евреев и неевреев - люди духовные, "пневматики". Пневматики сами себе Закон (ср. 1 Кор.2:15), ибо от простой веры они возвышаются до гносиса.

Кроме того, по Валентину, высшим и абсолютным Божеством является Совершенный Эон\*, называемый также Первоначалом (proarche), Первоотцом (propator) и глубиной (bythos). Он - необъятный и невидимый, вечный и безначальный, и соответствует Ему "женский" принцип - мысль (ennoia), которая называется также благодатью (charis) и молчанием (sige). Эти два высших принципа - мужской и женский - порождают ум (nous) и истину (aletheia) (ср. Iren.Наег.1.1:1). Ум и истина рождают логос и жизнь (zoe), а затем человека и ектлесию. Из ума и истины эмануируют Христос и святой дух и т.д., то есть возникают различные эоны - извечные сущности, порожденные Божеством. Совокупность эонов образует духовную полноту, единство бытия - плерому (pleroma - "полнота", "обилие", "множество").

Эоны не знают истинного Первоотца, поэтому при творении мира и была совершена ошибка. Эоны и архонты, находящиеся вне плеромы, возникают попарно. В мире существует резкое разделение на противоположные пары. Так, правым архонтом Валентин называл непосредственно Создателя мира, Яхве (не путать с абсолютным Божеством), а левым - Сатану. Иисус Христос, по Валентину, открыл человечеству возможность гносиса (индивидуального откровения), который и есть спасение, духовное (а не плотское) достижение плеромы. Пневматики войдут в плерому независимо от дел, даже греховных, ибо, как свидетельствует об учении валентиан Ириней, они утверждали, что в плерому "вводит не какая-либо деятельность, а семя, оттуда сообщаемое в незрелом состоянии и здесь достигающее совершенства"

(Iren.Наег.1.6:4). Душевные люди (под ними валентиане обычно подразумевали христиан-негностиков) - люди от сего мира; они должны воздерживаться и творить добрые дела, "чтобы посредством их войти в среднее место" (Ibidem).

---

\* От греческого слова "aion" [айон], или, в восточной транслитерации, [эон], - "век", "вечность". Эон - многозначный термин, который в эпоху эллинизма использовался для обозначения мира, вечности, мировых эпох. В христианстве эон - период земной истории, завершающийся "кончиной века" (Мф.24:3) и Судом, а также мир, свет; в гностицизме - название определенных стадий эманации Бога, воплощающих абстрактные сущности типа логоса, истины или идею будущего Царства Божиего - грядущий эон.

Иисус Христос, по мнению Валентина, сохранял образ родоначальной и первой пифагорейской четверицы, ибо состоял из четырех начал: 1) из духовного, 2) из душевного, 3) из телесного, которое "было создано по домостроительству (kat' oikonomian) неизреченным искусством", и 4) из Спасителя, "которым был сошедший [при крещении] на Него голубь" (Iren. Haer. I.7:2). Естественно, согласно этой доктрине, Христос практически лишен человеческой сущности. В частности, по данным Климента Александрийского, Валентин, говоря об Иисусе Христе, утверждал:

"Он ел и пил особенным образом, не отдавая пищи; сила воздержания была в Нем такова, что пища в Нем не разлагалась, так как Он Сам не подлежал разложению".

Василид, родившийся в Сирии, в первой половине II века переселился в Александрию. Его учение известно нам по изложению Иринея и Ипполита, который, вероятно, был тем самым Ипполитом - учеником Иринея и пресвитером в Риме (ум. ок. 236 г.).

По Василиду, Бог невыразим, не имеет имени. Из Бога исходит ум, из ума - логос, из логоса - мысль, из мысли - мудрость и сила, из мудрости и силы - справедливость и мир. Все это - силы первого неба, которые создают по образу своему силы второго неба; силы второго неба создают силы третьего неба и т.д., вплоть до сил 365-го неба. Глава ангелов этого последнего неба и есть Яхве, Творец мира сего. Так излагает учение Василида Иринея (Iren. Haer. I.24:3-7).

По Ипполиту, согласно учению Василида, в начале всего было ничто. Из этого ничто вышла потенция всего - панспермия (от греч. "pan" - "все"; "sperma" - "семя"). Эта потенция создала три бытия: тонкое (идеальное), грубое (материальное) и требующее очищения (духовное).

Гностик Керинф (кон. I - II вв.), склонявшийся в трактовке сущности Иисуса Христа к докетизму, считал, что эон, называемый Христом, соединился посредством крещения с человеком по имени Иисус и расстался с Ним на распятии (Iren. Haer. I.26:1).

Гностики, допуская идею о бессмертии души, отрицали возможность телесного воскресения и, не будучи в состоянии отвергнуть ясное учение Писания о воскресении, на вопрос: что же собственно воскреснет при "кончине века"? - прибегали к иносказательному разъяснению слова воскресение и разумели под ним исход души из тела и переход ее к высшему ведению (Tert. De resur. carn. 19). В этом отношении интересен отрывок "О воскресении" (Peri anastaseos), обнаруженный в Парижском кодексе так называемых параллельных мест Иоанна Дамаскина, в котором он приводится под именем Юстина: "Если бы воскресение было

только духовное, - пишет автор данного отрывка, - то Сам [Христос], воскреснув, должен был отдельно показать тело лежащее, отдельно душу существующую. Но этого Он не сделал, а воскресил тело, в Себе Самом подтверждая обетование жизни. Для чего же Он восстал в пострадавшей плоти, как не для того, чтобы показать воскресение плоти? И желая удостоверить в этом, когда ученики Его не верили, что Он истинно восстал телом, когда они видели и сомневались, - Он сказал им: "Еще ли не веруете? Видите, это - Я" (Лк.24:38-39. - Р.С.). И предоставил им осязать Себя и показал следы гвоздей на руках. И когда вполне познали, что Он и в теле находится перед ними, пригласили Его есть с ними, чтобы и через это несомненно убедиться, что Он истинно воскрес телесно. Тогда Он вкусил меда и рыбы. Таким образом показал им, что истинно есть воскресение плоти. Он, желая показать - ибо, по Его словам (ср. Ин.14:2-3; Флп.3:20. - Р.С.), "на небе житие наше" - и то, что невозможно плоти взойти на небо, вознесся пред глазами их на небо, как был во плоти"

(глава 9).

О других гностических учениях повествует все тот же Иринеи. Например, учение Карпократа было близко к идеи Платона о переселении душ (Iren.Naer.I.25).

"Карпократ, - пишет Иринеи, - и его последователи учат, что [...] Иисус родился от Иосифа и был подобен прочим людям, но отличался от них тем, что Его твердая и чистая душа хорошо понимала то, что она видела в сфере нерожденного Отца"

(Iren.Naer.I.25:1). Кроме того, Иринеи сообщает, что последователи Карпократа "имеют частью нарисованные, частью из другого материала изготовленные изображения, говоря, что образ Христа сделан был Пилатом в то время, когда Он жил с людьми. И они украшают их венцами и выставляют вместе с изображениями светских философов, именно с изображениями Пифагора, Платона, Аристотеля и прочих; и оказывают им другие знаки почтения, так же как язычники" (Iren.Naer.I.25:6).

Гностицизм, безусловно, является своеобразным синтезом христианского учения с греческого философией, хотя, конечно, в него были вплетены и другие доктрины. Впрочем, Иринеи, опираясь, по всей вероятности, на сочинения Юстина, утверждает, что все христианские ереси произошли от Симона Волхва (Iren.Naer.I.23:2; ср. Деян.8:9-24) и что от симониан "получило свое начало лжеименное знание (gnosis)" (Iren.Naer.I.23:4; ср. 1 Тим.6:20).

Гностики образовывали тайные союзы, попасть куда, в отличие от обычных христианских общин, было нелегко: вступающие должны были пройти ряд обрядовых испытаний и дать особую клятву. Именно в тайных организациях гностиков и появились

тайные писания - в собственном значении слова "арокрыфос" ("тайный"). Они были предназначены для избранных, для тех, кому доступно "высшее познание".

Некоторые группы христиан-гностиков селились в уединенных местах, вдали от городов (по образу ессеев). Наследием этих групп в ортодоксальном христианстве явилось монашество, по духу чуждое ранним христианским еkkлeсиям (Свенцицкая И.

С. Раннее христианство: страницы истории. - М.: Политиздат, 1987, стр. 270 - 273).

Идея дуализма, которую мы встречаем еще у кумранских сектантов, возникла не на пустом месте, она уходит своими корнями в древние культы Месопотамии.

Согласно им, доброе божество Ахура-Мазда ведет постоянную борьбу с духом зла Ангра-Манью. Они оба участвовали в создании мира: добрый дух создал все полезное и прекрасное, злой - все вредное и нечистое. У каждого из этих божеств есть помощники, которые ведут борьбу вместе с ними. В конечном итоге победу должен одержать Ахура-Мазда.

Одним из помощников Ахуры-Мазды в этих верованиях выступило солнечное божество - Митра. На рубеже летоисчислений культ Митры обособляется и затем начинает распространяться в Римской империи, а во II - III вв. становится одним из ведущих религиозных течений, особой религией (митраизм). Митру называли Непобедимым Солнцем, справедливым божеством. Существовали особые праздники-мистерии, посвященные этому божееству. Главным праздником Митры был день солнцеворота - 25 декабря (рождение Солнца).

Аналогичные идеи были распространены и в других религиозных учениях, которые при этом проповедовали гностическо-мистическое слияние с божеством как единственное средство спасения. Одним из таких учений был герметизм, связанный с поклонением Гермесу Триждывеличайшему (Трисмегист), объединившему образы греческого бога Гермеса и египетского бога Тота. По верованиям герметистов, земля и весь телесный мир - зло, "темное начало". Они созданы не богом, а промежуточными силами. Из высшего божества проистекают: разум (logos), творец (demiourgos) и человек (anthropos), который, в свою очередь, тоже состоит из света и жизни. Человеку, чтобы спастись, необходимо пробудить в душе отблески света и воссоединиться с божеством. Одним из способов воссоединения с божеством было употребление магических заклинаний, основанных на "знании" истинной сущности и истинного имени бога, как-то: "Войди в меня, Гермес, как зародыш в чрево женщины [...]. Я знаю твое имя [...]. Я знаю тебя, Гермес, а ты меня. Я ты, а ты - я" (см. Лейденский папирус

(Pap. Lugd. W. C. 17 сл. Dieterich Abraxas, S.

195, 4ff. 10 - 11) и Лондонский папирус (Pap. Lond.CXXII.1 - 7)). По-видимому, из этого и ему подобных заклинаний герметистов вошли в Евангелии от Иоанна аналогии: "Отец во Мне и Я в Нем [...] Я и Отец одно" (Ин.10:38,30). Эти стихи, вошедшие в четвертое Евангелие под влиянием языческих культов, сыграли существенную роль в создании христианского догмата о Троиединстве Бога.

Основным отличием новозаветного христианства от гностических учений было неприятие им самого понятия гносиса - мистического слияния с Богом, которым гностики заменяли веру. Существенным отличием было также положение о том, что спастись могут все верующие в Христа (верующие, а не овладевшие мистическим знанием об истинном Боге), причем спастись не только духовно, но и плотски - Царство Божие, согласно Новому завету, принимало в себя телесные, хотя и преображенные сущности.

Однако гностический подход к миру и его Спасителю, - воспринятый, вероятно, через дуализм ессеев, через филонизм и через еще какие-то источники, - проявился уже в некоторых произведениях Нового завета особенно в Евангелии от Иоанна, в посланиях к ефессянам и колоссянам. Уже с первых стихов Евангелия от Иоанна мы понимаем, что имеем дело с произведением, совершенно отличным от синоптических Евангелий. "En arce en ho logos, kai ho logos en pros ton theon, kai theos en ho logos" (Ин.1:1). Этот Логос (Слово), по Квартусу, и был Христос: "Kai ho logos sarx egeneto kai eskenosen en hemin" (Ин.1:14), то есть изначально существующий Логос воплотился в Иисусе. Характерным в отношении понятия доктрины о Логосе является так называемое Евангелие Истины, упоминание о котором мы встречаем у Иринея (Iren.-Naeg.III.11), с возмущением сообщающего, что валентиане "дошли до такой степени дерзости, что свое недавнее сочинение назвали Евангелием Истины".

С самых первых строк этого произведения мы сталкиваемся с типичной терминологией гностиков: "Евангелие Истины есть радость для тех, кто получил от Отца истины милость познать Его через могущество Логоса, пришедшего из плеромы...".

Характерно, что имя Иисуса в Евангелии Истины употребляется всего несколько раз; в основном там говорится о Логосе (Слове), который те, к кому Он был обращен, называют Спасителем, "ибо таково название дела, которое Он призван выполнить для спасения тех, которые не знали Отца". О земной жизни Иисуса сказано, что Он пришел "в подобие тела. Свет говорил Его устами". Дело Иисуса - дать свет тем, кто пребывает в темноте. "Он дал им свет. Он дал им путь. Этот путь - истина, которой Он учил". Аналогичное понятие содержится и в четвертом Евангелии: в Логосе "была

жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Ин.1:4-5).

Иисусу-Слову в Евангелии Истине противопоставлено Заблуждение - столь же абстрактное понятие, как и Логос. Заблуждение возненавидело Иисуса за то, что Тот дал свет людям, и стало преследовать Его.

Конечно, Квартус в своих философских воззрениях не мог опираться на Евангелие Истины, ибо последнее было составлено (Валентином или его учениками) после Евангелия от Иоанна - в период между 130 и 175 гг. Однако авторы этих произведений взяли за основу одни и те же философские доктрины: понятие света заимствовано, по-видимому, у кумранитов, а понятие логоса - вероятно, у Филона Александрийского.

Философия Филона оказала огромное влияние на христианство. Многим христианам, особенно неевреям, было ближе представление о Логосе, таинственной Силе, исходящей от еще более таинственного, непознаваемого Бога, чем образ бедного Пророка из Галилеи, связанного с еврейскими сектантами и проповедовавшего среди рыбаков, грешников, нищих и прокаженных.

Специальная работа "О том, что Бог является неизменным" посвящена Филоном доказательству положения, что Бог - высшая абстракция, к которой неприменимы никакие определения (Philo.Quod deus imm.55). Он бескачествен (Philo.Leg. alleg.I.36); "кто думает, что Бог имеет качественность, что Он не один или не изначален (agenetos) и вечен (aphthartos) или не неизменен, оскорбляет или себя, или Бога" (Ibid.I.51). Бог ни в чем не нуждается, сам себе довлеет; цитируя Пятикнижие (Исх.4), Филон в книге "Жизнь Моисея" разъясняет, что к Богу вообще неприложимо никакое имя (Philo.Vita Mosis.I.75).

Детально разработана Филоном идея Логоса как посредника между Богом и людьми. Филон в книге "О херувимах" разъясняет, что основные силы "благость и власть (echeusia), причем благодаря благости Вселенная возникла, благодаря власти Бог управляет творением, треть же, соединяющее обе силы и посредствующее, - Логос; благодаря Логосу Бог является властителем и благим" (Philo.De cherub.27).

В работе "Кто будет участником в божественных делах" Филон говорит, что Логос "не изначален, как Бог, не рожден, как мы, но Он посередине этих крайностей, совпадая с обеими" (Philo.Quis rer. div. haer.206). В этом тезисе заложено христианское представление о Богочеловеке. В книге "О странствовании Авраама" сказано, что Логос - тень Бога, посредник; Он ходатай и заступник (hiketes) (Philo.De Abr.122).

Теория о Логосе в новозаветных документах была, по-видимому, последствием разочарований первого поколения христиан.

По мере того, как Царство Небесное, каким его представляли себе синоптики и Апокалипсис, становилось химерой и отодвигалось *ad kalendas graecas*, все более бросались в метафизику. Второе пришествие, вопреки пророчествам (Мф.16:28; 24:34; Мк.9:1; 13:30; Лк.9:27), откладывалось на неопределенный срок, и каждый день опаздывания возвращения Иисуса был шагом к Его обожествлению.

Последователи Иисуса верили, что их Учитель воскрес и вознесен был к Богу на небеса, и на почве такого представления у них создавалось верование об Иисусе, воскресшем и вознесенном, как о существе, которое по своему достоинству по меньшей мере равно прочим небожителям, подчиненным Богу, то есть всеразличным ангельским чинам, или даже превосходит их, так как сам Бог даровал Ему "всякую власть на небе и на земле" (Мф.28:18). Но Иисус не мог быть равен им, если Его бытие началось лишь с момента человеческого рождения, тогда как ангелы появились уже в момент сотворения Вселенной или даже раньше; чтобы сравняться с ними в этом отношении, Он должен был существовать уже до момента своего человеческого рождения, а в момент рождения Он как личность не появился впервые, а только сошел на землю, или перешел от прежней сверхчувствительной формы бытия к земной форме существования.

Понятия греческого Логоса и иудейского Мессии слились в одно представление.

В гностическом сочинении Пистис София (*Pistis sofia* - Вера Мудрость) говорится: "Дева Мария Господу по воскресении Его говорила так: "[...] Будучи Младенцем, прежде чем Дух сошел на Тебя, был Ты однажды в винограднике с Иосифом.

И Дух сошел с небес и, приняв на Себя Твой образ, вошел в мой дом. Я же не узнала Его и подумала, что это Ты Сам. И Он сказал мне: где Брат Мой, Иисус? Я хочу Его видеть. И я смутилась и подумала, что призрак (*daimonion*) меня искушает. И, взяв Его, привязала к ножке кровати, пока не схожу за вами. И я нашла вас в винограднике, где Иосиф работал. И, услышав слова мои к Иосифу, Ты понял их, и обрадовался, и сказал: где Он? Я хочу Его видеть. Иосиф же, слыша слова Твои, изумился. И тотчас же пошли мы, и, войдя в дом, нашли Духа, привязанного к ножке кровати. И, глядя на Тебя и на Него, мы видели, что вы совершенно друг другу подобны. Дух же привязанный освободился, и обнял Тебя, и поцеловал, а Ты Его. И вы стали Одно"" (*Smidt C. Pistis Sophia: Ein gnostisches Originalwerke des 3. Jahrhunderts. Berlin, 1925*).

Согласно этому сказочному рассказу, слияние духа с Иисусом произошло еще тогда, когда Иисус был младенцем, а не во время крещения.

А когда произошло слияние Иисуса с Логосом? И как этот Логос вступил в сферу человеческой жизни? Об этом четвертый евангелист умалчивает, он только замечает, что "Слово стало плотью", то есть облеклось в человеческое тело. Возможно, евангелист считал момент соединения Логоса с человеческим естеством в Иисусе момент Его крещения, ибо Квартус говорит, что в период деятельности Иоанна Крестителя "Свет истинный" (вероятно, Логос) лишь готовился прийти (Ин.1:9-10), а при крещении "Дух", сошедший с неба в виде голубя, почил на Нем (Ин.1:32). Однако этот "Дух" нельзя безоговорочно отождествлять с Логосом, ибо первый является пережитком ранней традиции, которой последний редактор Евангелия от Иоанна не мог пренебречь, хотя она и не согласовалась с его собственной доктриной о Логосе.

Подобное можно отметить в первом и третьем Евангелиях, в которых поздняя доктрина о непорочном зачатии от святого духа не согласуется с ранней традицией, отмечающей сошествие на Иисуса того же святого духа при крещении.

Вероятнее всего предположение, что четвертый евангелист приурочивал слияние Логоса с человеческим естеством в Иисусе к началу жизни Иисуса, к моменту Его рождения.

Отметим сомнительность предположения о том, что, по мнению четвертого евангелиста, вышеозначенное слияние произошло в момент зачатия Иисуса от святого духа. Об участии или неучастии в порождении Христа родителя-человека в Евангелии от Иоанна не сказано ни слова, хотя апостол Филипп, признавший в Иисусе Мессию, именует Его сыном Иосифа (Ин.1:45). По мнению Квартуса, христиане, уверовавшие во имя Христа, "не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились" (Ин.1:13), хотя по своему рождению они и являются простыми людьми. Поэтому и сам Иисус Христос представляется четвертому евангелисту единокровным Сыном Божиим, ибо хотя Он и родился, как все люди, но в Нем объединилось Слово Божие (Логос) с человеческим естеством.

Как уже было отмечено выше, все философские учения с гностическими мотивами не имеют строгой догматики. С одной стороны, объяснить образ Иисуса на основании Евангелия от Иоанна очень трудно, просто невозможно, ибо невозможно на основании строго логической системы объяснить нечто аморфное по сути, выходящее за пределы этой системы. С другой стороны, на основании четвертого Евангелия объяснить образ Христа значительно проще, чем на основании синоптических Еванге-

лий, ибо трактовать этот образ можно произвольно, не придерживаясь строгой системы, строгой догматики, и применяясь к обстоятельствам; Евангелие от Иоанна дает возможность трактовать свои положения весьма произвольно, необходимо лишь владеть искусством казуистики и софистики для достижения известной цели.

Поэтому не следует придавать серьезного значения образу Христа в трактовке четвертого евангелиста и изречениям, которые Евангелие от Иоанна приписывает Основателю. Оставим эту привилегию богословам. Образ Иисуса в передаче четвертого евангелиста так же далек от образа исторического Иисуса, как далек образ доктора Фауста у Гете от образа исторического Фауста, *si tanta licet componere Magnis*.